

Девичья краса

— На нашем берегу ночь стояла дремучая, такой густой тьмы я никогда в жизни не видела. На подходе к реке было так много милиции, что протиснуться к пристани было невозможно. На правый берег переправлялись на паромах, катерах, лодках. Призывников встречали военные и сразу отправляли на станцию. Мама моя с кумой хотели перебраться вплавь, но Волга так разволновалась, так расчувствовалась, словно знала, что в последний путь провожает, и женщины наши плыть не решились. Они долго шли по берегу, наткнулись на удильщика, он и перевёз преданную двоицу на берег расставаний. Несколько километров до станции шли пешком, а там мама у самого эшелона папу и отыскала. Уже из вагона папа крикнул: «Ириша, только Томочке косы не стриги!»

А в конце лета, в праздник Сретения Владимирской иконы Божьей Матери, мы получили единственное письмо от папы. Он воевал под городом Великие Луки. Как папа наказал, продали всё: свиней, козу, кур, всю его одежду,—только образ Богородицы берегли.

Помню, я маленькая совсем, а папа несёт меня на руках в громадный собор, что красовался на крутом волжском берегу. Я такой красоты, как наш пятиглавый Покровский собор, не забуду никогда. Пять вызолоченных куполов в солнечный день были видимы на пятнадцать-двадцать вёрст окрест. Рядом с царственным храмом красовались церковь Живоначальной Троицы и колокольня. Эту нашу городскую нарядность испоганили, маковки сорвали, иконы пожгли, а сосуды богослужебные, кресты, оклады иконные—всё на переплавку пустили, одежды священников, покровы напестрельные на половики и тряпки изодрали, мы всем городом взвыли, когда из икон кормушки для скота мастерили, а сколько ликов святых на собачьи будки пошло! Прости, Господи! Помню запах тех костров, странный он был, ладан напоминал, а дымовая завеса возносилась в небо и пахла смирной. Папа выменял у солдат икону Владимирской Божьей Матери, вот эту,—и бабушка показала на образ, который висит над моей кроватью с рождения.

— В тот год осени почти не было, студёная зима поспедела рано. Около дома мы выкопали траншеи,

женщины лопатами работали, а мы вёдрами таскали вымерзшую землю. За городом вначале копали окопы все, кто у церковного клироса¹ собирался, а потом и вся улица Пушкина пришла, а за ней и Урицкого, и Володарского. Мама с подругами кирками и ломиками раскалывали землю, а мы вручную выкидывали обмёрзлые земляные глыбы. Озябли, есть хотелось, а я всё мнила, что окоп мой папе достанется. А потом налетели «лаптёжники» и давай бомбить, вой от «юнкеров» ярый исходил, я от страха коченела. Рвануло рядом с блиндажом, в укрытие никто не успел. Маму отшвырнуло взрывной волной, а меня покорёжило, осколки попали в грудь, шею и голову, а самый большой в косах запутался. Очнулась, а вокруг меня соседские ребятишки лежали и родители вперемешку. Алый снег перемешался с грязью, и всё это каменело на глазах. Потом в госпитале меня подлечили, только ранение в грудь давало о себе знать, от попавшей слякоти сильнейшее нагноение образовалось, вылечить не могли. Раз в три дня мама сажала меня на санки и тащила на перевязку через обледеневшую Волгу на правый берег.

Госпиталь на нашем берегу «лаптёжники» разбомбили сразу, как мама меня увезла домой. От врачебного дома остались только дымок и кирпично-чёрная россыпь.

На мой день рождения, после Рождества, похоронка пришла. Папа пропал без вести. Только маму знать надо было. Её ни война, ни холод, ни голод остановить не могли. Мама молилась, писала, ходила, просила, но о муже своём знать хотела всё: где? когда? Веровала, что недоразумение, надеялась, что папа ранен или контужен. Мама большая постница была, всё, как положено уставом церковным, соблюдала. Таких-то, как мама, Богородица завсегда услышит. Как блокаду Ленинграда прорвали, так мы ответ и получили. Папа утонул в Ладожском озере. В декабре сорок первого. Он возглавлял продовольственный обоз, который прорывался к блокадникам. Сидел за рулём первой полуторки, в ней и ушёл под лёд во время налёта смертоносной стаи. Размашистая .....

1. В православной церкви место, где во время богослужения находятся певчие и чтецы.

могила у папы, «Дорогой жизни» он одним из первых шёл.

Она замолчала. Глядя на неё, я стыдливо косился на подарочную коробку, приготовленную для моего крестника, на которой было написано: *«Предлагаем Вам один из легендарных самолётов Второй мировой войны, грозный истребитель танков „Юнкерс Ju-87G2“², который стоял на вооружении фашистских оккупационных войск! Этот истребитель долгое время был настоящей грозой неба, наносящей ощутимый урон нашим боевым танковым частям. Он был одним из массовых летательных аппаратов, созданных немецкими конструкторами из конструкторского бюро „Юнкерс“. Вооружён он был мощными пулёмётами и длинноствольной 37 мм пушкой. У него изящные, хищные линии, за которыми скрываются огневая мощь того времени и высокая манёвренность. Конечно, таких машин сохранилось со времён войны очень мало, но Вы сможете Вашего малыша приобщить к этому историческому раритету. В нём воплотились многие прогрессивные технологии середины тридцатых и начала сороковых годов прошлого столетия. Подарите ему этот набор!»*

А бабуля продолжала:

— В крещенские морозы наша сибирская кошка запрыгнула ко мне в постель и давай тереться об меня и урчать, а потом начала вылизывать мне рану. Я сначала не давала, боялась. А потом до самого Благовеста я просыпалась каждое утро от нежного мурлыканья и ухода за незаживающей раной нашего хваткого крысолова, а на Вербохлэст хворь моя вся вышла.

Сердечная неугомонность, радость детских воспоминаний не покидали маму моей мамы, и она продолжила:

.....
Нем. название «Юнкерс», рус. прозвища «штука», «певун», «лаптёжник», реже «лапотник», — одномоторный двухместный пикирующий бомбардировщик и штурмовик времён Второй мировой войны. Этот с виду неказистый, угловатый пикировщик стал, по сути, самым узнаваемым самолётом люфтваффе. За неубирающиеся шасси советские солдаты прозвали его «лаптёжником» или «лапотником». Также данный самолёт получил прозвище «штука», от нем. *Sturzkampfflugzeug* — обозначения всех пикирующих бомбардировщиков. Ju-87 имел некоторое сходство с хищной птицей, а в его угловатых контурах просматривалось что-то дьявольское — радиатор пикировщика напоминал широко разинутую пасть, а неубирающиеся стойки шасси с объёмными обтекателями напоминали выпущенные когти. Все эти особенности машины производили сильный психологический эффект на тех, на кого пикирующий бомбардировщик с неумолимой точностью сбрасывал свои бомбы.

— Школа была рядом с домом, но её из-за бомбёжек закрыли. Учились дома, окна всегда завешивали одеялами или простынями. Мы все боялись: разбомбят немцы плотину, и большой Волгой нас всех смоет.

А в мае на Владимирскую к нам на постой определили трёх красноармейцев. Никогда их не забуду. Я сызмальства любила стирать. И так мне в свои одиннадцать лет стирать нравилось, всё чудилось, что папе кто-то стирает сейчас гимнастёрку, шаровары или исподнее. Навалила я в бельевую корзину грязных вещей защитного и белого цвета — и на Волгу, а со мной и соседские девчонки увязались. Пока стирали, так раздухарились, что очередную атаку самолётов не заметили. «Лаптёжник» оторвался от стального косяка, спикировал на нас под адские вопли. Взрывом меня оглушило. Я упала в воду и пошла ко дну. Слава Богу, постоялец наш увидел, как я тону, и прыгнул за мной, схватил за косы и вытянул меня, а немец всё осыпал и осыпал нас пулёмётными очередями.

Рассказывая, она словно пребывала там, на волжском берегу. Бабуля была потрясающе улыбочива.

Ещё раз я посмотрел на модную цветастую коробку: маскировочный окрас, на крыльях чёрные кресты, свастика на хвосте, а на разрисованном фюзеляже скотская змеиная пасть, а под ним полыхающая Русь, Волга и моя бабушка. Я читал и не верил своим глазам: *«С помощью подробной инструкции малыш сможет подготовить всё необходимое для изготовления модели. Сможет самостоятельно или с Вашей помощью склеить модель с помощью клея, входящего в набор. И затем раскрасить самолёт в соответствии с боевой окраской модели военного времени. Процесс сборки модели способствует развитию мелкой моторики рук, усидчивости, повышенной внимательности. Пусть у Вашего малыша появится уникальное увлечение и со временем внушительная коллекция летающих моделей всего мира. Начните с этой модели создание коллекции уникальных игрушек! Рекомендуются для детей 8–12 лет и старше».*

— Через некоторое время защитники наши нас покидали, напоследок они оставили нам две банки тушёнки, куски три сахара и морковный чай. В тот день я впервые насытилась за первый мёрзлый военный год. Спаситель мой на папу был похож: высоченный, светловолосый, голубоглазый. До войны он работал плотником в Боголюбово, что под Владимиром. Он носил сильно полинявшую гимнастёрку, на которой выделялось несколько маленьких латок, на петлицах три треугольника, а на пряжке рыжего ремня сияла звезда. Грудь солдата украшала медаль на багровой колодке с красной надписью: «СССР». Помню сверкающие его начищенные сапоги и автомат с круглым диском.

Поздней осенью пришло письмо от нашего гостя: он воевал под Волховом, был ранен во время полёта «юнкерсов», а в госпитале повстречал моего папу, который строго-настрого приказывал мне не стричь косы.

Бабушка расплела снежного цвета косы и расчёсывала их гребешком моей прабабки, который когда-то смастерил её погибший муж. Урчала трёхцветная персидская кошка, лежавшая на коленях у говорливой старушки, а вокруг образа, дарованного Вселенной евангелистом Лукой, кружила тополиная кидь.

Я вышел на лестничную площадку, открыл мусоропровод и отправил в последний путь «штучку» — это грозное оружие люфтваффе.

Плодоносный большак

Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, вся воинства Его. Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звёзды света...

Пс. 148:1-3

Своим появлением бабуля нарушила тишину. Ещё из коридора было слышно её тяжкое пошаркивание. Прихрамывая, она вошла на кухню. Её редкие белые волосы были распущены. Бабушка облокотилась на стол и присела. Отдышалась и, астматически прокашливаясь, начала разговор.

— Сталин когда умер, мы всем городом плакали; казалось, наше многодневное рыдание может затопить всю округу. Сталин для нас главный человек на земле был! Спаситель с Богородицей всё с небес наблюдали и укрывали нас с предстоящими ангелами и угодниками, а он здесь был определён. Мы каждое Божье утро дома молились, а в школу придём — читают нам писанину бесовскую. Ужасались мы по-детски от всех этих ненавистников рода человеческого: Ярославского, Румянцева, Кандидова³. Только вождь своре этой лютой с их ревушей ересью и музеями сатанинскими языки в тугой узел закрутил. От него и народу православному после войны послабление пришло. Мы же тогда ничего, ничего не знали.

Перед самым концом войны домой прибежала заплаканная и ликующая мама, в руках она держала икону преподобного Сергия Радонежского. Мама увидела, как вынесли несколько икон из дома умершей старушки напротив, милиция передала образы работникам городского НКВД. Мама отправилась за чекистами. Напросилась к оперативнику, а когда вошла в кабинет, увидела икону преподобного Сергия, которая лежала на столе, перемазанная чернилами, вся в окурках. Мама зарыдала и схватила икону со стола, оперативник на неё стал орать, выхватил икону и остолбенел:

горючие мамины слёзы размыли чернила и пепел. Офицер быстро пришёл в себя, отдал маме икону, фыркнул и выставил за дверь.

В морозный сочельник сорок пятого мама рассказала мне о явлении преподобного Сергия императору Франции Наполеону на звоннице Ивана Великого, после чего с французским завоевателем случилось помешательство. Историю эту маме пересказала сестра прабабушки, которая была насельницей Спасо-Бородинской обители.

После войны я окончила пятилетку. Наше это слово — «пятилетка»! Страну поднимали, отрабатывая пятилетку в четыре года, да и военное пятилетие в четыре года улеглось, вот и первую послевоенную пятилетку тоже в четыре года отпахали. Важный седьмой класс я окончила уже в вечерней школе, была круглой отличницей, потом ремесленное училище. Вот тогда-то мне и повезло в первый раз. В учении первый помощник — преподобный и богоносный отче Сергий, игумен Радонежский, все успехи мои — его благодать. А когда нам путёвку выделили — одну на город — и её при всём честном народе на собрании вручили мне, я от счастья плакала! Всю ночь Спасителя, Богородицу, Николая Угодника и преподобного Сергия благодарила. В поезд села, а в купе до самого Чёрного моря ехала с Любовью Орловой. Если бы ты только знал, какой чертог счастья в сердце моём просиял. Всю дорогу лучшая актриса страны мне, словно Пресвятая Дева Мария, улыбалась, я слова вымолвить не могла, стеснялась... все мы такие были. На обратном пути из Евпатории я купила на сэкономленные деньги мешок семечек, а мама их продавала по стаканчику. Так у нас появились деньги, и я купила первую пластинку. Как я любила песни! Танцы! Танго, фокстрот! Сердечный Леонид Утёсов, Изабелла Юрьева, Лидочка Русланова — разве забудешь их голоса? Только во время Великого поста мама не разрешала даже подходить к патефону.

А после войны как о нас страна заботилась! Голод шатался повальным, а нам за городом участок выделили. Не забыли!

Она развела руками и еле слышно добавила:

.....

3. Антирелигиозной политикой в СССР руководил Ярославский (Губельман) — профессиональный революционер, деятель Коммунистической партии, идеолог антирелигиозной политики, председатель «Союза воинствующих безбожников». Активными деятелями являлись Румянцев (Шнайдер) — автор ряда работ по истории христианства, принимавший активное участие в работе общества «Атеист» и в «Союзе воинствующих безбожников»; Кандидов (Фридман) — один из организаторов Центрального антирелигиозного музея, в своих публикациях разоблачал реакционную деятельность РПЦ в годы революции и Гражданской войны; Захаров (Эдельштейн), Ранович, Шахнович и многие другие.

— Вот нам и стало где картошку сажать. Что там возле дома вырастишь — помидоры, огурчики, петрушку, лук, укроп? А здесь — надел, и свой! На луговину мы с мамой ходили пешком — от города полтора километра. Целина — так земля, выделенная страной, по-учёному называлась. Целина заросла травой — правда, невысокой, ну так, по локоть, копать её тяжело. Бывало, надавишь на лопату, вытащишь ком и долбишь.

Она поправила белоснежную прядь, и я заметил, как после болезни изменились её ухоженные руки. Костлявые ладони были обтянуты кожей, подаренное моей прабабушкой кольцо еле держалось на пальце, только аккуратные ногти напоминали о былой красоте рук.

— А счастье в наш дом подоспело с землёй! После ремесленного меня на обувную фабрику взяли работать. Я уже тогда рабочий стаж имела. В ремесленном как учили: день работаешь — день учишься, так что с производством я была знакома. Поначалу клапанá строчила, потом посадили на ремешки, но у меня всё так спорилось, что когда земля пришла, у меня уже высший девятый разряд был, я союзки строчила и в передовиках числилась. По весне на нашу фабрику земельные участки выделили. По городу все бегали и кричали: «Земля пришла! Земля пришла!» У меня насчитали двести пятьдесят трудовых! Ни у кого столько не было! Я сама выбирать любой участок могла. Самая хорошая земля была у кладбища, вот там истинное плодonoсье, но я покойников боялась. Поэтому и выбрала участок у большака. Все в городе недоумевали. Ведь у большака что за участок? Сплошной песок. Ладно бы песок — весь надел загажен был: раньше на этом месте конюшня располагалась, которую после революции пожгли, потом скотный двор (его перед самой войной в техстанцию преобразовали). А в войну мтс разбомбили вчистую, на этой выжженной земле образовалась свалка, да ещё и под уклоном. Эту помойную яму мы с мамой и вычищали. Многому я в то время научилась: выкапывала обломки бомб, выгребала стекольные осколки, строгала и пилила тёс, ямки вручную копала, а в июльскую сушь за водой на Волгу ходила. Ведра три завсегда притаскивала, вот грыва у меня и образовалась. Потом за помётom лошадиным и коровьим на другой конец города ходила. Мешками на себе волокла. Мешки нетяжёлые были, я брала килограмм по восемь или двенадцать. Это ведь самое что ни на есть удобрение. Разводили всё это духовитое снадобье в бочке — и всё кругом плодonoсило. С конца весны в пять часов каждый день вставала, до работы поливала и водой, и раствором. Маме моей уже не по силам помогать мне стало, она вставала на колени в сердцевине сада и шёпотом напевала:

«Боже, Боже мой, к Тебе утрению: возжада Тебе душа моя, коль множищею Тебе плоть моя, в земли пусте и непроходне и безводне...»

Бабушка встала ко мне влоборота, я ещё раз посмотрел на её грыву, похожую на детский регбийный мяч, которая выпирала из ночной рубашки. — Ты чего засуетилась, бабуль?

— Воды хочу попить.

— Да сиди, я тебе сейчас налью.

— Нет. Сама хочу. Трудиться с детства люблю. Как без этого? — тяжело передвигаясь, отвечала упрямыца.

Бабуля утолила жажду, присела, сложила руки, положила на них голову и продолжила:

— И зацвёл у нас сад! Всё у нас росло! Ни птичьи налёты не помешали, ни каменистые места, ни кочки, ни сорняки, ни заморозки, ни ливни, ни засуха — всходило всё, даже упавшее при дороге прорастало. Наперебой участок у нас купить хотели! Но продать я могла только своим, фабричным. Пятнадцать яблонь разных сортов: антоновка, анис, штрифель, розмарин, папировка, грушовка, китайка... А груши какие! А сливы! Только одного крыжовника двенадцать кустов narосло, ягоды были трёх сортов и знатные — величиной со сливу, смородина красная и чёрная, клубника, малина, земляника, черноплодка, которая от давления помогает.

Глаза её были закрыты, мне показалось, что она заснула. Неожиданно словно в забытии она вымолвила:

— А когда похорошели посаженные тюльпаны, гвоздики, розы, маргаритки, незабудки, нарциссы и благоуханный запах вместе с маминой псалмодией мимолётный суховец разносил во все стороны большака, удивлению людскому конца и края не было. Мама сказывала, что сад наш — земная хвала Господу!

Юродивые дни

Только здесь, на Красной площади, оборотившись взглядом к куполам храма Василия Блаженного, и есть у нас время задуматься, кто мы такие, откуда и зачем. И что, задумываемся? Лично я — москвитянин, а кривичи — мои древние предки, но кем именно стали мы за последние века? Россия, несомненно, — Евразия, и словно в подтверждение моих мыслей из-за великолетия собора Покрова Пресвятой Богородицы выглянуло обжигающее азиатское солнце. Оно сияло так, словно хотело превратить меня во второго Ивана Барму, выжечь мои глаза.

Поодаль, где во время Вербного воскресенья происходил крестный ход с «шествием на осляти» патриарха, худенький старец кормил хлебными крошками голубей.

Я вспомнил о доме и бабушке, ожидающей меня.

В родном жилище я находил хлеб везде. Белый и чёрный, чёрствый и мягкий, с плесенью и мошкаррой. Подобное хлебное скопидомство моей бабушки Тамары Фёдоровны изрядно раздражало меня. У неё были две сумки и три пакета, в которых она с завидным постоянством скрывала хлеб. Наша квартира становилась похожей на амбар. Вскоре она добралась и до холодильника.

Утром бабушка съедала кусок белого хлеба с маслом и головку чеснока, запивала всё это кофе. Утолив голод, она отправлялась за хлебом.

— Как мне надоели твои закрома! Когда всё это кончится? — выкрикнул я.

— А что здесь такого? Ты чего орать-то взялся? Сегодня Пятидесятница, День Святой Троицы, — изумлённо тарасилась на меня она. — Бабушка моя Аксинья имела семь человек детей, а повезло только маме моей. Прокормить-то всех Аксинья не могла, мужа убили, вот она маму ради спасения в работницы барину и отдала. А так умерла бы мама моя, — еле слышно произнесла бабушка.

— После какой это войны? Японской? Первой мировой? Гражданской? — я начал торопливо спрашивать её.

Ответ был краток:

— После той, которая была.

Она продолжала:

— Мама в работницах у хозяина долго жила, а когда сын хозяина вернулся из Москвы, сразу маму приметил. Хозяин выбору сына рад был. Свадьбу сыграли в октябре, в погожий день прославления мучеников Адриана и Наталии. Так они и прожили до самой войны. Летом, в день кончины Блаженного Василия, папа привёз меня в Москву, на Красную площадь, к Иерусалимскому собору. Я как сень резную над ракой московского чудотворца увидела, так и обомлела. Пол там чугунными плитами покрыт. Деисус⁴ в сводах какой! А евангелисты в парусах!⁵ А вериги!⁶ На всю жизнь запомнила! Папа у нас в городе хлебный завод строил сам, своими руками, из красного кирпича, — до сих пор стоит. Ему директором предлагали стать, а он отказался, так и работал пекарем. Всё мне пирожки, ватрушки, крендельки, пряники выпекал. Я всегда папины подарки утром под подушкой находила. Началась война. Папа сразу ушёл на фронт. Всю ночь перед отъездом он носил маму на руках, а я ела всякую печёную вкуснятину. В войну мама работала на хлебозаводе. В сентябре сорок второго, в день чествования просветителя Армении преподобного Григория, охранника подменил дядя Вася, он папу хорошо знал и разрешил маме в нижнем белье пронести хлебные корки. Сидим мы с мамой напротив и друг другу эти корочки двигаем. Я всё говорила, что ей надо кушать, ей же на работу, а она не ела. Если не выйдешь, сослать могли или ещё чего хуже. Мама один раз вынесла голодным солдатам в ведре

полбуханки хлеба, её поймали и могли осудить на пять лет, но директор завода — папин друг — вступился, настоял, что мама отдала свой неизрасходованный паёк. Той ночью так до рассвета мы и просидели. Потом мы тырганцы научились печь, — она улыбнулась.

— А что такое тырганцы? — спросил я.

— Это лепёшки из крапивы, ботвы, ну а если сильно повезёт, то из свекольных листьев. Я с мамой за крахмалом за двадцать километров пёхом по железной дороге в ночи хаживала, поездов только боялись. За дальней деревней колхозные амбары в полях стояли, а в них сгнивший картофель. Воница — за километр учуешь. Вот из гнили этой картофельной и выгребали крахмал вручную. А ещё у мамы везение было на ягодные места: всё знала, где черника, где клюква, где брусника, где гонобобель. По каким только лесам и топям вдвоём не хаживали, по две бельевые корзины собирать могли. А мыла... мыла-то вообще не было, был каустик, вот им и стирали. Он едкий, правда, но в воду положишь — и ничего. А вшей сколько! Вши были повсюду. Господь миловал, тиф стороной обошёл.

Она замолчала, задумалась и продолжила:

— Как вспомню только: мы на ту сторону Волги за пятнадцать километров в леса ночами шастали, — коченею, как в те военные зимы. Мороз был пятьдесят градусов, мама мне платком пуховым всё лицо заматывала, только глаза открытыми оставались. В этой лютой мерзлоте я всё о шубе лисьей мыслила, которую Василию Нагому боярин пожаловал, так и согревалась. Бывало, соберёмся всей улицей человек по десять-пятнадцать, у всех топоры и санки, и идём на промысел. Все идём — и взрослые, и дети. Лес вырубать запрещалось. Хорошо, если лесник добрый попадётся, разрешит, подскажет, где можно срубить сучки; а если строгий, то и санки, и топоры отбирали. Я с мамой попадалась не раз, а дядя Вася нам взамен изломанных санок новые мастерил. Привезённого

4. Деисус — икона или группа икон, имеющая в центре изображение Христа, а справа и слева от него соответственно Богоматерь и Иоанн Креститель, представленные в традиционном жесте молитвенного заступничества.

5. Парус — часть свода, элемент купольной конструкции, посредством которого осуществляется переход от прямоугольного основания к купольному перекрытию или его барабану. Парус имеет форму сферического треугольника, вершина которого обращена вниз и заполняет пространство между подпружными арками, соединяющими соседние столпы подкупольного квадрата.

6. Вериги — разного вида железные цепи, полосы, кольца, носимые христианскими аскетами на голом теле для смирения плоти.

запаса дров на неделю хватало, а потом всё сызнова. Водку, джин покупали в Москве. Джин-то вообще на ура шёл, как-никак сорок пять градусов. Потом в город к нам это пошло все везли, прятались под шконкой вагонной, ну а там—на рынок. Продавали. Мне тогда уже одиннадцать стукнуло, я же ранняя, январская. Я запросто одна могла целый вещевой мешок притащить на себе.

Она так мягко заглянула мне в глаза и продолжила:

— В сорок втором, в ноябре, завьюжило на Варлаама Хутынского. Вечером меня директор Елисеевского изловил. Вдруг дядя Вася навстречу. Что уж он там говорил, не знаю, только, слава Богу, отпустили меня. Да и через два года, зимой, в метель, под самый Николин день, на станции у меня лямки разорвались на мешке, и он рухнул с таким грохотом, что все вокруг обернулись. Как я тогда плакала, причитала, как безголовая, Богородицу на помощь звала; милиционер рядом стоял, метрах в трёх, и опять дядя Вася рядом оказался, взял меня за руку и увёл. Знать, до самой Богородицы докричалась. Мама мне рассказала, что избавитель наш в раннем возрасте подвизался на монашеской ниве, был направлен на остров Свирь в Свято-Троицкую обитель, откуда бежал после осквернения монастыря,—так в нашем городке объявился беглый инок. Дядя Вася высоченный был и худющий: он мне всегда орясину⁷ напоминал. Жил монах уединённо, в землянке на самой окраине.

Она смотрела на меня, на всё вокруг с небесной радостью то ли от воспоминаний, то ли от моего неожиданного интереса и никак не унималась.

— А в школе как учились... углём писали, под свет керосиновой лампы. В одежде ели и спали. На звук каждый из нас мог отличить пролетающий бомбардировщик от истребителя, да и всегда угадывали, куда летит: нас бомбить или на Москву.

Она чудаковато сощурилась и говорит:

— Вот ты только послушай, что я скажу. Мы с мамой всё думали: закончится война, сядем

вдвоём и хлеба наедемся вдоволь, вот так, чтобы один хлеб есть нескончаемо. Как мы радовались, когда нам объявили, что войне конец, смеялись и плакали, по городу бегали, кричали, не верилось. Время шло, карточки не отменяли, за хлебом по-прежнему вставали затемно, занимали очередь. И вот как-то осенним утром, в день празднования Иоанна Милостивого, я заприметила отошлого человека, кормящего голубей, узнала в нём моего спасителя, подошла, а дядя Вася поправил каптырь⁸ и говорит с улыбкой: «Ступай, чадо, в хлебный дом, да поскорее...» Так я пришла второпях в магазин, протягиваю карточки, а мне продавщица и говорит: «Девочка, а карточки больше не нужны». Думала, шутит, наверное, ещё раз спрашиваю, а она в ответ засмеялась: «Белого или чёрного?» Я так и онемела, а потом говорю ей: «Всего». Она смотрит и спрашивает: «А ещё унесёшь?»—«А дадите?»—я ей в ответ. Она с хохотом: «Дам!» Я сколько могла домой хлеба дотащить, столько и дотащила. Мама с работы пришла, и мы стали пировать. Хлеб был чёрный и «рублёвый»—так мы его называли, он был не совсем белый, а сероватый, не такой, как сейчас, но зато хлеб был настоящий.

Я дослушал её, встал и привычно стал собирать весь её непригодный хлебный запас, переложил его в пакет, предназначенный для птиц. Посмотрел на неё перед уходом, а она смотрела в окно и бормотала сама себе:

— За всё я Спасителю, Пресвятой Деве Марии, Николаю Угоднику, Блаженному Василию Христа ради юродивому благодарна, жизнь у меня счастливая.

Монголоидный круг становился всё менее ярким, его карминные пряди оплетали маковки церковей собора Василия Блаженного и терялись где-то в подклети. Исчез худенький старец, и только высохшие крошки оставались нетронутыми на брусчатке.

.....

7. Орясина—жердь, оглобля, верста, долговязый парень, шест, кол, дубина, хворостина.
8. Каптырь—полукруглая шапочка, надеваемая монахами вместо клобука (она византийского происхождения и весьма уважается раскольниками), а также мешок на голову для защиты от комаров и мошкар.